

I. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЯПОНИИ

Накануне буржуазной революции, произошедшей в конце 60-х гг. XIX века, Япония представляла собою искусственно изолированную от внешнего мира страну, где господствовали феодальные производственные отношения. Сохранялось законодательно закрепленное деление населения страны на 4 сословия: самураев (представителей дворянского сословия — си), крестьян (но), ремесленников (ко) и торговцев (се). При этом юридический статус самурайского сословия резко противопоставлялся трем низшим сословиям: только самураям предоставлялось право занимать государственные и военные должности. Крестьяне, в своей основной массе являвшиеся наследственными держателями своих наделов, еще в конце XVI в. (в ходе всеобщей переписи 1589—1595 гг.) были прикреплены к земле; продуктовая рента, выплачиваемая помещикам, доходила до 60—80 % урожая. Существовали и другие виды ренты — денежная, натуральная и т. д. Крестьянство было связано круговой порукой, гарантировавшей бесперебойное поступление ренты в руки помещиков. В городах сохранялись типично феодальные организации ремесленников и торговцев (цехи и гильдии). Не только общественная, но и личная жизнь населения была жестко регламентирована. Вместе с тем в недрах феодального строя шло медленное, но неуклонное вызревание буржуазных отношений. На базе развитого ремесленного производства в конце XVIII — начале XIX в. стала возникать домашняя и мануфактурная промышленность (главным образом, хлопчатобумажная и шелкоткацкая); накануне революции в стране насчитывалось 420 мануфактур. Существенные позиции в национальной экономике занимала торгово-ростовщическая буржуазия. Шел интенсивный процесс первоначального накопления капитала. Углубляющееся разложение феодальных отношений проявлялось в разрушении натурального сельского хозяйства, в нарастании социальной дифференциации деревенского населения. Закладывая свои земельные наделы, большинство крестьян превращалось в бесправных арендаторов; вместе с тем, росла прослойка зажиточных крестьян (гоно). Наиболее активное участие в революции приняли крестьянство и городская беднота, торгово-промышленная буржуазия, низшие слои дворянства (самурайства), связанные с буржуазией. Существенный вклад в победу революции внесли крупные феодалы юго-западных княжеств, где развитие торговли и предпринимательства происходило особенно интенсивно. Южные феодальные кланы (Сацума, Тесю, Хидзен и др.) обладали мощной военной организацией и потому сохраняли известную независимость от центральной власти в предреволюционный период. Главными требованиями крестьянства были земля и личная свобода. Поскольку проникновение капиталистических отношений в деревню влекло за собой дальнейшее усиление эксплуатации крестьянства, последнее отвечало новым размахом классовой борьбы. Вся страна была охвачена мощными крестьянскими выступлениями. За первую половину XIX в. произошло свыше 250 крупных вооруженных восстаний крестьян, выступавших против налогового гнета, произвола администрации, грабежа ростовщиков. Эти выступления беспощадно подавлялись феодально-помещичьим

правительством.

Японская буржуазия занимала в революционном движении неустойчивую позицию. Страх перед лицом крестьянских выступлений толкал буржуазию к союзу с самураями; с последними она была связана и общностью своего социального происхождения. Поэтому в японской революции не существовало союза буржуазии с народом (в т.ч. с крестьянством), столь свойственного Французской буржуазной революции, — крестьянство действовало здесь самостоятельно, без союзника в лице буржуазии. В свою очередь, буржуазия, будучи оторванной от народа, выдвигала исключительно умеренные требования. Она выступала за ликвидацию тех атрибутов феодального строя (цехи, гильдии, феодальная раздробленность), которые затрудняли развитие торговли и предпринимательства. Но поскольку эти требования затрагивали привилегии правящего класса феодалов, они объективно приобретали буржуазно-революционный характер.

Кроме того, японская буржуазия активно боролась против засилия иностранного капитала, против навязывания неравноправных договоров, против опасной тенденции превращения Японии в колониальное владение более развитых капиталистических держав. Формально продолжали действовать три указа о “закрытии страны”, принятые еще в первой половине XVII в., согласно которым под страхом смертной казни запрещался въезд в страну иностранцев, выезд за границу японцев, а также строительство больших морских судов. Между тем начиная с 1853 г. вначале США, а затем и правительства Англии, Франции, России, Голландии и ряда других стран, используя так называемую “политику канонерок”, с помощью военных угроз добились “открытия” Японии, ратификации навязанных ей торговых договоров, включения ее в мировой рынок, но ставивших под угрозу ее независимость как самостоятельного государства.

Низшие слои самурайского сословия примкнули к революционному движению, преследуя свои собственные, узко эгоистические цели. Они поддерживали лозунг свободы предпринимательства, поскольку уже в значительной степени обуржуазились: теряя свои права и привилегии княжеских вассалов, они уходили в города, становясь торговцами, служащими, учителями и т.п. Обладая достаточной грамотностью и образованностью, они стремились пробиться в государственный аппарат, приобрести политическое влияние и посредством этого поправить свое значительно подорванное материальное положение.

Таким образом, в революции приняли участие самые различные слои японского общества. Они не имели (да и не могли иметь) каких-то коренных общих интересов. Слабость, неорганизованность буржуазии, нежелание опереться на революционную инициативу народных масс толкали ее на союз не с крестьянством, а с самурайством, причем руководящую роль в этом блоке играли именно самураи (в силу их большей организованности и сплоченности). Крестьянство в революции выступало самостоятельно, со своими собственными требованиями. Важно подчеркнуть, что основные буржуазные преобразования были достигнуты именно благодаря революционной борьбе крестьянства, сыгравшего роль главной ударной силы революции. В событиях 70—80 гг. XIX века особенно ярко проявилась та свойственная буржуазным революциям закономерность, когда наибольшую революционную активность проявляют одни социальные группы (в данном случае — крестьянство), а плоды победы присваивают другие (в первую очередь, буржуазия).

Специфическая особенность государственного строя дореволюционной Японии заключалась в том, что реальная власть в стране с 1603 г. находилась в руках военно-феодалов правителей из могущественного феодального клана Токугава, носивших наименование сегунов, которые пожизненно и наследственно управляли страной от имени императора. К середине XVII в., после целого ряда административных преобразований, окончательно оформилось центральное управление сегуна, которое было разделено между 6 главными органами: кабинетом министров, верховной судебной палатой, палатой интендантов (осуществлявшей управление финансами — сбором и распределением риса), начальником ведомства буддийского и синтоистского культов, градоначальником города Эдо, полицейской префектурой. Приблизительно одна треть территории страны непосредственно принадлежала сегунскому клану; под их управлением находились многие крупные города. Остальная земля была поделена между феодальными владетельными князьями (Займе), состоявшими в вассальной зависимости от сегуна. Каждый князь стремился создать в своем владении подобие государственного аппарата со всеми его атрибутами, включая собственную армию, суд, тюрьму, денежную систему. Как правило, малое княжеское правительство (киро) включало в себя четыре основных ведомства, руководивших финансами, религией, судом и полицией. Надзор за деятельностью княжеской администрации осуществляли особые инспекторы сегуна, наделенные преимущественно полицейскими полномочиями. Императоры, являясь фактическими пленниками сегунов, были отстранены от участия в политической жизни страны: признаваемые “живыми богами”, они выполняли лишь религиозно-церемониальные обряды. В соответствии с законом 1615 г. обязанности императора заключались в изучении древней истории, занятиях стихосложением, соблюдении традиционного церемониала. Даже вступление на престол очередного императора требовало согласования с правительством сегуна (бакуфу). Императоры могли вступать в брак лишь с невестами из пяти семей высшей знати. Император был обязан предоставлять сегуну своего сына в заложники. Особый представитель сегуна при императоре (сесидай) следил за приведением в исполнение императорских распоряжений, если они выходили за пределы дворца. Количество продовольствия (“рисовых пайков”), выделяемого на содержание как собственно императорской семьи, так и придворной аристократии (кугэ), также контролировалось финансовым ведомством сегуна. В конце своей жизни императоры, как правило, отказывались от престола и уединялись для молитв в монастырских общинах.

По своей сущности режим сегуната, складывание которого происходило еще с конца XII века, являлся политической формой диктатуры военно-служилого сословия самураев, обладавшего монополией на все сферы государственной власти (законодательную, исполнительную и судебную). Ко второй половине XIX в. эта архаичная государственная форма уже полностью себя изжила: она была обречена на гибель в связи с общим кризисом средневекового сословного строя. Напротив, влияние императорского двора имело тенденцию к постоянному росту. Императорский двор становился центром притяжения всех тех политических сил, которые были недовольны режимом сегуната. Немаловажную роль в будущем крушении токугавского режима сыграло и вмешательство иностранных держав: вынудив правительство сегуна подписать унижительные договоры, эти державы объективно содействовали тому, что сегун стал в глазах японского народа олицетворением предательства национальных интересов. Требование ликвидации сегуната и восстановления императорской власти в полном

объеме стало той общей платформой, на которой смогли временно объединиться все те разнородные силы, которые оказались вовлеченными в общественно-политическое движение. Общим требованием этих сил была реставрация императорской власти, узурпированной сегунами из клана То-кугава. При этом каждая из перечисленных выше социальных групп рассматривала сильную императорскую власть в качестве инструмента достижения собственных классовых интересов, и это обстоятельство не только не исключало, а, наоборот, делало неизбежной их последующую конфронтацию. Если крестьянство рассчитывало благодаря могуществу императора добиться ограничения произвола своих угнетателей, то самурайство и буржуазия, а тем более крупные феодалы, оппозиционные режиму сегуната, видели в сильном императоре гаранта незыблемости своих классовых привилегий перед лицом трудящихся масс. Укрепившаяся в годы революции императорская власть в силу своей классовой сущности была объективно подготовлена к решению именно этой последней задачи. В ходе острого, но кратковременного военного конфликта (“мимолетной гражданской войны”, как это событие именуется в историографии), вспыхнувшего осенью 1867 г., режим сегуната был ликвидирован. Вооруженные силы княжеско-самурайского движения, получившие финансовую поддержку со стороны торгово-пред-принимательских кругов (в частности, от купеческого дома Ми-цуи), выдвинули перед сегуном Кэйки требование восстановить в полном объеме власть императора (микадо). Встретив отказ, они нанесли тяжелое поражение сторонникам клана Токугава (январь 1868 г.); последние были вынуждены сложить оружие. В мае 1868 г. поддерживавшие императора войска во главе с 15-летним микадо Муцухито вступили в столицу сегуна город Эдо (переименованный в Токио, что означает “Восточная столица”).

Принятый 11 февраля 1869 г. закон об императорском доме вручал императору всю полноту государственной власти. Декларировался строгий порядок передачи престола в рамках правящей династии от отца к старшему сыну, определялась обязательная процедура коронации, срок совершеннолетия для императора устанавливался в 18 лет. Собственность императорской семьи провозглашалась наследственной и неотчуждаемой; управление делами императорского дома вручалось т. н. Семейному совету. Роль высшего государственного органа, соединяющего в своих руках законодательные, административно-распорядительные и судебные функции, стал играть Государственный совет, подразделяемый на департаменты (по делам синтоистской религии, финансовый, военный, иностранный, по делам юстиции).

Период правления императора Муцухито (1868—1912 гг.) получил в японской историографии наименование Мэйдзи (“Просвещенное правление”; дословно “ясное правление”), а события 1868 и последующих годов обозначаются японскими терминами “Мэйдзи исин” (“обновление Мэйдзи” или “реставрация Мэйдзи”). Эти события положили начало периоду глубоких политических и социально-экономических преобразований, преследовавших две тесно связанные между собою цели: защиту страны от потери национального суверенитета и расчистку путей для становления современного централизованного государства. Переворот 1868 г. был революционным не столько по форме, сколько по своим последствиям и результатам, которые можно с полным основанием приравнять к буржуазной революции. Но поскольку руководство антисегунским движением оказалось в руках оппозиционных кругов, имевших преимущественно не буржуазное, а феодальное происхождение, оказалось

неизбежным длительным сохранением в стране многочисленных феодальных пережитков, вследствие чего буржуазная революция в Японии осталась незавершенной. Фактическую монополию на государственную власть и в послереволюционную эпоху сохранили в своих руках представители княжеской аристократии и самурайского сословия.